

РОМАН СЕНЧИН

ПРОБЛЕМА

РАССКАЗЫ

Артём нагнал меня по дороге к лифту.

— Слушай, ты, видел, без колес сегодня.

— Да достали пробки. Тем более в жару такую. Кондишен слабо работает — вчера чуть не спёкся.

— Я-асно. Слушай, может, пивка выпьем?

Хм, интересно... С Артёмом мы никогда не были близки, сидели в разных кабинетах, по служебным делам напрямую не пересекались, даже во время корпоративов не сходились. Так — все пять лет, как работаем вместе, — “привет-пока” и дальше. А тут — пивка.

— Рядом вон погребок хороший, посидим часок. — В голосе Артема появилась жалобная, почти умоляющая нота; что-то явно произошло, и я кивнул:

— Ну давай. Час есть.

— Спасибо!

Шагнули в лифт, стали спускаться. Долго, с восемнадцатого этажа. К тому же почти на каждом этаже останавливались, подбирали сотрудников десятков фирм и компаний. Пахло духами, дезодорантом, потом, взопревшей синтетикой... Я уже ругал себя, что согласился. Наверняка в долг попросит. По кредитам платить, то, сё... Сколько дать? Тупо отказывать не стоит, опасно — наживёшь врага, будет гадить на каждом шагу. А Артём молодой и, как я заметил, резвый. И сегодняшний его вид не должен вводить в заблуждение...

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1972 году в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации в Москве — в журнале “Наш современник”. Автор романов “Минус”, “Нубук”, “Ёлтышевы”, “Информация”, сборников рассказов “Иджим”, “День без числа”, “Абсолютное соло” и др. Живёт в Москве.

Почти бежали через парковку, огибая то слева, то справа раскаленные автомобили. Впереди как спасение темнели витрины магазинов и кафе на первом этаже кирпичной девятины. Там сбоку и вход в погребок.

Скорей по ступенькам. И с каждой всё прохладней, прохладней... Теперь я готов был благодарить Артёма за то, что позвал сюда. Сейчас бы плавились по пути к метро, башку портфельчиком прикрывал...

Сели под ледяной струей из кондёра — лучше простыть, чем свариться, — отдышались, стали листать меню.

— Предлагаю по бокалу “Хайнекен” и фисташек, — сказал Артём; ему очевидно не терпелось побыстрее закончить эту церемонию и заговорить о важном.

Не стоило соглашаться с готовностью, и я ответил:

— Я “Туборг” лучше. Фисташки — нет: пломбу на днях поставил, опа-саюсь. Гренки вот есть чесночные...

Артём тряхнул головой, поднялся, пошел к бару, но тут же вернулся:

— Сейчас официантка...

— Кстати, — отозвался я, — в Париже столкнулся с забавным... Знал, конечно, про это дело, но в жизни — первый раз... Если ты пьёшь за барной стойкой — цена одна, а если за столиком — раза в два выше... Нас компания была, и одни решили так, а другие — так.

Артём слушал меня внешне с интересом, а на самом деле, я чувствовал, с одним желанием — чтоб я заткнулся. Но недосказать это значит признаться, что твой рассказ глупость, нелепость. Я договорил:

— В двух шагах друг от друга находимся, болтаем, смеёмся. А счет дали разный. Некоторые не в курсе были, стали возмущаться... Забавно.

— Да, — кивнул Артём, — возьму на заметку. Тоже во Францию собираемся, в Лион. Страшно, правда, повсюду теракты...

Подошла официантка, мы сделали заказ.

— А вы с женой часто куда-нибудь ездите? — спросил Артём.

— Раза три-четыре в год стараюсь выгуливать. Женщинам трудно без развлечений.

— Ну да, ну да... Слушай, — голос Артёма изменился, стал откровенно, неприкрыто печальным, — у меня проблема такая... Хотел совета спросить... Вы ведь с женой лет двадцать вместе, несчастный случай теперь. И я видел — счастливы.

Я насторожился — где он мог видеть нас вместе?.. А, да, весной моя “бэха” стояла в ремонте, и жена забирала меня с работы. Я мельком познакомил её кое с кем из коллег. В том числе и с Артёмом, кажется.

— Не жалуясь, — кивнул. — Достигли некоей гармонии.

— Я вот об этом как раз и хотел поговорить... Спасибо, — принял Артём у официантки бокал ярко-желтого “Хайнекена”, дождался, пока она всё расставит на столе и отойдет, и продолжил: — Я сейчас с девушкой живу... почти год уже. Свадьбу планируем.

— Поздравляю.

— Спасибо... Отличная девушка, Даша, на три года моложе меня... Да, отличная — красивая, вышку окончила, зарабатывает нормально... всё меня в ней устраивает. Только... — Артём отпил пива, слегка поморщился. — В общем, напрягает она меня вниманием.

Замолчал. Я не поддержал разговор — задавать наводящие вопросы было рано пока... Артём с усилием продолжил:

— Постоянные разговоры, забота, проявления любви, это, оказывается, тяжело... Нет, как-то я не так, не с того конца... Я её люблю, — произнес убеждающе то ли меня, то ли себя самого, — и в то же время готов иногда... — Ещё глотнул пива. — Она всегда рядом, всегда смотрит на меня, всем делится. Интересуется, как на работе, рассказывает подробно, как у неё, вообще, что видела, узнала... Спрашивает, что приготовить, о прочитанных книгах рассказывает, фильмы вместе предлагает посмотреть в компе, потом на обсуждение выводит... О терактах этих, всё прочем разговоры...

— Активная особа, — улыбнулся я, когда Артём снова на некоторое время замолчал.

— Акти-ивная... С одной стороны, приятно, правильно — мы пара, необходимо общение... А с другой... Приползаю домой, хочется сожрать чего-нибудь по-быстрому и упасть на диван, в телик воткнуться или в сеть. А тут она: “Любимый, я приготовила то-то и то-то, это мы будем есть так-то и так-то...” С работы быстрее меня приезжать старается... На столе — целый Диснейленд из блюд разных, тарелок, приправ... “А потом, любимый, мы будем смотреть новый фильм такого-то. Я как раз скачиваю. Ты не против?” И смотрит так душевно, что невозможно сказать: нет, не хочу, возьму бутер и плюхнусь перед теликом... Короче, — Артём потер лоб указательным и средним пальцами, — она из каждого дня хочет праздник сделать, а мне тошно... Я уже и домой с ужасом еду теперь... Смешно, конечно, но вот такое чувство. То ли я мудака конченный в двадцать восемь лет, то ли она что-то не то делает.

Он вздохнул, отпил “Хайнекен”, промокнул губы салфеткой и посмотрел на меня, ожидая, что скажу. Я сочувствующе покивал и отвел глаза. На самом деле особого сочувствия не было.

Да, мы с женой вместе больше двадцати лет. Если здоровье не подкачает, вполне можем прожить еще тридцать, а то и больше. Сейчас нам за сорок, и представить, что будет за восемьдесят, теперь довольно легко. В Москве полно стариков, народ тут живучий.

Живём, как говорится, душа в душу. Но... Но это только действительно так говорится. Душа в душу... Нет, скорее без душ. Души стараемся не прижимать. Лучше их прятать поглубже, тогда легче преодолевать день за днём, год за годом.

Конечно, общались и теперь общаемся каждый день, обсуждали и обсуждаем события, разные бытовые вещи, ездили и ездим с приятелями и детьми на природу, ходили и ходим в кино, театры. Хотя, кроме первых недель, когда зашкаливала страсть, все эти годы держались пусть на мизерном, но расстоянии, не вращались друг в друга. Словно инстинктивно понимали, что иначе обязательно случится пресыщение, отторжение.

Слава богу, возможность не вращаться была и есть — сначала в двухкомнатной квартире жили, потом приобрели трёшку. Не давились. В каждой комнате и на кухне — телевизор, у всех членов семьи по набору гаджетов.

Теперь по целым дням и десятком фраз можем не обмениваться. И не тяготимся этим. Или убеждаем себя, что не тяготимся?

— ...Некоторые, знаю, злятся, когда жена с подругами трещит часами, по магазинам шляется, — продолжал Артём, — а мне наоборот... Я уже ей, ну, типа, в шутку, но так... “Может, покемонов ловить пойдешь?” Смеется, прижимается. “Нет, любимый, я от тебя никуда”.

— Подожди, — перебил его, — слушай, а с жильём у вас как? Может, ей просто деться некуда? В однушке хочешь не хочешь, а...

— Не обижай, — Артём поджал губы. — Двуха у нас новой планировки — изолированные комнаты. Возле метро “Римская” купили новострой. Лоджии тёплые, ещё как комнаты...

— Понял-понял. Я так — пытаюсь анализировать.

— Угу... И, знаешь, я не тюфяк, не быдло какое. И поговорить люблю, на подъём, считаю, скор. Но не могу я постоянно... Эх, — он как бы с отвлечением допил свое пиво. — Она не то чтобы ни минуты не даёт, а... Сложно, сложно объяснить... И в другую комнату не уйдёшь, когда она прижимается, — решит, что злость на что-то. Ещё хуже...

— Да я понимаю, Артём. Понимаю... Только вот совета дать не могу, кажется. Разве что — ребенка, может, вам завести?

Артём отмахнулся:

— Нет, ты что! Меньше года вместе — какой ребенок!..

— Эт тоже верно... — Я задумался. — Вот я избежал такого, что у тебя сейчас, и рад вроде бы. Хотя... — Вообще-то мы с Артемом говорим складно, это один из главных профессиональных навыков, но сейчас слова соединялись в фразы трудно, при помощи массы междометий и вздохов. — Хотя жалею порой, что чего-то важного у нас с женой не случилось. Ни безумной страсти, ни пыли до потолка. Ровно слишком... А с другой сторо-

ны, — я встряхнулся, — от плотной любви до того, что в “Крейцеровой сонате” — недалеко... Читал “Крейцерову сонату”?

— Естественно. Я прилично читаю... Правда, в последнее время и к книгам стал... отвращение стал чувствовать. Даша интересуется, что читаю, мнение спрашивает, если тоже читала — на обсуждение вывести пытается... А “Крейцерову” ты в тему вспомнил — есть симптомы...

— Не пугай, Артём.

— Я не про то, не про убийство... Но уже раза два-три была к Даше ненависть такая... Бешенство прямо... Хм, там у жены так, и муж удивляется, не понимает, что это, а тут — у меня... И знаешь... извини за откровенность...

— Мы для этого здесь и сидим.

— Ну да, ну да... И чувство такое — или ударить, или зацеловать, зацеловать. Набрасываюсь, валю, раздеваю... Она не сопротивляется, к счастью, наоборот... Но ведь случится так, что начнёт: не надо, не хочу. И что тогда?..

Артём вздохнул протяжно, со стоном. Сидел, ссутулившись, глядя на нетронутые гренки.

— Еще пива? — спросил я.

— Наверно... Жена-то ругаться не будет?

— Я так редко после работы выпиваю, что, думаю, наоборот будет рада. — Я позвал официантку и попросил повторить “Хайнекен” и “Турборг”. — Тем более она с работы к дочке хотела ехать — по Ваньке, внуку, соскучилась.

— Внук уже... молодцы. М-да... Может, действительно ребенка заделать, пускай на него внимание переключает.

— Это вариант. Но тоже есть опасность — можешь начать её ревновать к ребенку.

— Да, я читал... Причина кучи разводов... Хотя, понимаешь, у меня такое состояние сейчас, что, уверен, буду счастлив просто, если она девяносто процентов любви на ребенка перенесет.

Официантка принесла пиво. Пока ставила бокалы на стол, мы молчали. Пошла, покачивая под тонкой юбкой выразительным задом. Молодая, наверняка ищущая вторую половину...

— Значит, надо ребенка, — решил Артём. — Пускай... Я её не хочу терять, но так — не протяну. Слишком она меня любит. Слишком... — Голос его стал сползать в бормотание. — Тяжело это, давит... душит, как подушка тёплая... Может, я не умею... Раньше, до неё — потыкались и разбежались. А тут... “Я никуда от тебя”. Ни подруг ей не надо, ни шопов. Рядом...

— Артём, — вторгся я в это бормотание бодрым предложением, — давай выпьем за всё хорошее. Сейчас тяжело, а через двадцать лет, может, с такой благодарностью вспоминать будешь.

Он взялся за покрытый испариной бокал, хмыкнул, по-прежнему глядя на чипсы:

— Что там через двадцать — дожить ещё надо... Окей, решаем проблему так — женимся, делаем ребёнка, пусть ему книжки читает, свою любовь дарит. Мне и десяти процентов хватит...

И с облегчением, большими глотками, стал пить свой “Хайнекен”. А я представил, как войду в квартиру и сяду под бочок к жене. Прижмусь, приласкаюсь. Вот она удивится. Если будет уже дома, конечно.

ДА ТЫ ЧЕГО!..

Поехать Петрова буквально заставили. Жена, дети, Бурковские.

— У нас вон к Коломенском такие реконструкции постоянно, — говорил он, — зачем тачиться черт знает куда?

— Почему ж черт знает куда, — отвечал с какой-то насмешливой улыбкой Влад Бурковский, давний приятель Петрова, — Рязанская область, Рыбновский район, часа три ехать, не больше.

— Рыбновский район... тарабарщина...

— Всё, собираемся! — потеряла терпение жена Петрова Людмила. — Склиси в этой Москве уже. Хоть глянцем, что там за МКАДом.

Петров сдавался постепенно:

— Я рулить не буду.

— На моей поедем все вместе, — обрадовался Влад; у него для загорода была восьмиместная “Тойота”...

Всю пятницу Петровы собирались нервно и сумбурно, как люди, отвыкшие от дальних поездок. Сын, Никита, то и дело спускался в “Дикси” — за водой, за чипсами, за влажными салфетками.

— Mam, купальник брат? — спрашивала из своей комнаты дочка.

— Какой купальник... — ворчал Петров. — Где там купаться...

Он не принимал участие в суете, сидел за компьютером, читал о том месте, куда завтра утром им предстояло отправиться, о событии, оказавшемся поводом для поездки... “Многие ордынцы утонули в реке Воже”, — как раз попало на глаза. Петров хмыкнул:

— А в Воже и покупаемся как раз.

Набрал в интернете “река Вожа”, и компьютер высыпал полный экран фотографий с каким-то ручейком.

— О господи, утонули...

Стал сам с собой спорить: за шестьсот лет, конечно, река могла измениться. Может, в то время это был глубокий и широкий поток. И в нём тонули, тонули, тонули бегущие на восток от русских ратников степняки... Но была ли сама битва и если была, то каких масштабов и кого с кем, — вопросы. Мнения историков расходятся...

— Ну так брат или нет?! — крикнула в нетерпении дочка Даша.

Блин, четырнадцатилетняя кобылица, а по каждому пустяку...

— Бери! — рявкнул Петров.

Тут же выскочила из прихожей, где чем-то шуршала уже минут двадцать, жена:

— Зачем купальник-то? Сейчас напишет полный рюкзак...

— В Воже покупается. Мы едем на ре-ку, — подчеркнул Петров это слово, — в которой утонули тысячи ордынских воинов.

— Ужас какой...

— Какой?... Надо знать, куда собираемся ехать, — насмешливо заметил Петров; жена нахмурилась, что предвещало её готовность к ссоре, и он заткнулся. Продолжил копаться в сети.

Подростком Петров очень любил историю. Об интернете тогда, в середине восьмидесятых, и не слыхивали, поэтому знания черпались из книг и журналов. Петров тратил большую часть карманных денег на литературу, перечитал всё, что было в небогатых библиотеках их маленького города, и в итоге годам к семнадцати имел более или менее стойкое представление о случившемся на планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры. Был уверен, что после школы поступит на исторический факультет местного пединститута, станет учителем, несущим детям знание о прошлом...

Поступил, стал с интересом ходить на лекции, писать рефераты и доклады. Звездой первого курса сделался.

Но тут навалилось... Сначала Лев Гумилев, следом Виктор Суворов, Бунин, Мурад Аджи, Фоменко с Носовским и еще десятки авторов, перелопачивающих вроде бы давно облагороженную лужайку истории...

Петров поглощал новое сначала с жадным интересом, потом с недоумением, и в конце концов запутался, отбросил всю эту историю прочь. Ушел в четвертого курса, попал в армию на полтора года, после неё уехал в Москву и без всякого вузовского диплома стал успешным бизнесменом.

Бизнес, правда, пришлось свернуть в начале нулевых — нескольких партнеров Петрова посадили, ещё нескольких разорили, — но кое-какие доходы поступали из прежних вложений тоненькими, как речка Вожа, но бесперебойными ручейками...

История, история... На одном ток-шоу Петров услышал от какого-то старикана-идеолога: “Истории нет — есть интерпретации прошлого”. Старикана

тут же заклевали, а Петрову эта формулировка понравилась. Действительно, в прошлом разобраться невозможно. Не только в древнем, но и в недавнем. Невозможно прийти к более или менее общему мнению не только по глобальным вопросам, но и по частным.

Раньше, выясняя отношения с женой, Петров старался доказать то-то и то-то, найти причину размолвки, скандала, а в ответ слышал от жены совсем другие аргументы, другие причины. Казалось, она всё переворачивает с ног на голову, а она была уверена, что с ног на голову переворачивает он, Петров... Житейски помудрев, они, всплыв, просто расходились в разные комнаты, а через час-другой продолжали жить, словно не имеют друг к другу никаких претензий. Так бы и историкам. Но у них есть принципы, поиски истины и пресловутой правды, а главное — желание заработать. Оригинальная версия какого-нибудь известного события, облачённая в несколько увлекательных книжек, вполне может принести приличные деньги. История — это одна из форм бизнеса, короче...

Выезд назначили на восемь утра, но выехали в десятом часу. Выбирались из Москвы долго и трудно. Не то чтобы мешали пробки или плотное движение, просто город был, казалось, бесконечный...

Петров сидел в третьем ряду у левой двери; он был не в духе, помалкивал, чтоб не портить другим настроение, слушал, как Влад Бурковский, до предела упрощая, а порой и неосознанно фальсифицируя, рассказывает детям, а заодно и взрослым, чему посвящен фестиваль, на который они отправились:

— Битва на Воже — первый шаг к освобождению от монголо-татарского ига. В тысяча триста семьдесят восьмом году хан Мамай послал карательное войско на Русь, слишком вольно она стала себя вести... А навстречу вышла дружина Дмитрия Донского. Русских было в несколько раз меньше, но Дмитрий Донской применил хитрость — напал, пока монголо-татары, — это словосочетание резало слух Петрова, как ножом, — не разобрались в боевых порядках после переправы через Вожу. Почти все они были перебиты — пятьдесят тысяч, представьте! — а наших погибло совсем немного... Через два года сам Мамай отправился на Русь, и ему досталось — на Куликовском поле... Мы туда тоже в свое время рванём.

Постепенно по сторонам дороги стали образовываться меж торговых комплексов, фабрик, заборов, складов свободные пространства, появлялись рощицы, поля; Москва явно выдыхалась, не дотягивалась своими шупальцами досюда. А потом пошли указатели — “Островцы”, “Заозерье”, “Михайловская Слобода”, “Дурниха”, “Ивановка”... Петров приоткрыл было окно, чтоб подышать свежим воздухом, но в щель ворвалась горячая струя.

— Там пекло уже, — проворчал, — как в парилке.

Жена метнула сердитый взгляд, а Влад неунывающе отозвался:

— Наши предки в дотехах смогли выстоять, а мы в маечках и бейсболках не сумеем, что ли? — И обернулся к детям, сидящим во втором ряду. — М?

— Сосредоточься на дороге, мой Пересвет, — сказала жена Влада Олеся.

— Я всегда сосредоточен.

— Не будь самоуверен...

Влад включил радио. Зазвучала ненавязчивая мелодия. Скорей всего, “Релакс FM”. Или нечто подобное.

Петров смотрел в окно. Лесочки, равнины, деревушки, городочки, виадукки... Незаметно задремал. В дрёме ничего не видел, кроме разноцветных бликов... Очнулся от того, что лицо горело — даже сквозь тонировку пробивались горячие лучи. “Скорей бы осень”.

В этом году Петров поддался уговорам жены, детей, и они полетели на море — под Барселону — в конце июня. Три недели мелькнули и кончились, и снова Москва. Остаток лета мучились... Надо было дотянуть хотя бы до середины июля, вернуться как раз в эти дни. Пришли в себя за неделю, а там уж подготовка к школе, то, сё...

Родители и у Петрова, и у жены Людмилы, которая тоже не москвичка, умерли, с родней связи порвались. На родину так просто не поедешь, да и что там делать — в Бугуруслане, откуда жена, в Сергаче, откуда Петров?

У них был загородный дом. Правда, слишком уж загородный... Лет десять назад Петров сдуру купил участок в семнадцать соток в деревне Рождествено недалеко от городка Вереи, поставил рядом с избой-завалухой летний домик. Водопровода в их части деревни не было, ехать было неудобно, дом оказался какой-то неуютный, и бывали там Петровы семьёй считанные разы. Самому Петрову приезжать приходилось чаще, чтоб показать — усадьба не брошена, есть хозяин, пригляд. Но все равно подворовывали — то доску оторвут, то аккуратно стекло из рамы вынут.

“Состарюсь, — думалось иногда Петрову, — и переселюсь сюда. Доживать”. В сорок шесть лет он иногда чувствовал себя совсем развалиной. Хотя вроде ничего не делал...

— Та-ак-с, — голос Влада Бурковского, — где-то здесь должен быть поворот на Глебово... Не этот...

— Включи навигатор, — велела Олеся. — Сейчас будем кружить тут.

— Еще б я навигатором пользовался в родной стране!

С минуту Олеся терпела, а потом начала истерить:

— Ну и чего? Где твой поворот? Вла-ад!..

— Сейчас будет! — взвизгнул он; Петров поежился: “Ещё их скандал слушать не хватало”.

— Когда?

Поворот действительно оказался “сейчас”. Правда, пришлось подождать на трассе, пропуская, по приказу регулировщика, поток машин со стороны Рязани, сворачивающих на узенькую дорогу в сторону Глебова-Городища.

— А ведь они все туда, — пробормотал Влад, — на фестиваль...

Наконец регулировщик махнул железом: можно и вам.

Олеся расслабилась, выдохнула:

— Извините, что чуть не завелась. Устала просто. Часа три уже едем?

Влад не ответил, дети притихли, Людмила копалась в смартфоне. Пришлось подать голос Петрову:

— Где-то так... До места Куликовской битвы, видимо, в сто раз ближе.

— С чего эт? — фыркнул Влад. — Оно в углу Тульской области вообще...

— Есть серьёзные причины считать, что битва состоялась под стенами Кремля.

— Так-так, давай-ка без фэнтези. Мы за единый учебник истории. Правда, Олеся?

— Да я тоже, — поспешил сказать Петров. — Но куда от нюансов деться?

— В печь их! Нечего народу мозги засорять. Главное, что мы — победили, и это всё, — Влад, не забывая красоваться, оторвал руки от руля и развел их в стороны, — всё это — наше.

Петров посмотрел в одну сторону, в другую. Вспученная холмами, изрезанная заросшими травой оврагами земля, казалось, глубоко и тяжело спала... Проехали мимо деревеньки под названием Алёшня, и не увидели ни одного жителя. Наверняка они прятались от жары в домах, но Петрову стало тоскливо.

Подмывало поспорить с Владом, нет, даже не поспорить, а противоречить его уверенному тону. Сдержался, не стал.

— Люда, вода есть у нас? — спросил.

— На, пап, — Никита протянул бутылку с “Кока-колой”.

— Нет, воду хочу.

Жена нашла воду в одном из пакетов, которыми обложились ещё в Москве.

— На, только она теплой стала.

— Ничего.

Когда проезжали деревню Пальные, тоска усилилась до такой степени, что и противоречить расхотелось. Представилась кучка закопчённых человечков — пальных, — пришедших на это место, сколотивших неказистые домики, которые тоже вот-вот сгорят, и людишки пойдут куда-нибудь дальше. Крошечное, вымирающее племя...

— Не хотела бы я жить в селе с таким названием, — сказала Олеся.

— Да, жутковатое, — ответил Влад, — но и героическое.

— В каком смысле?

— Раньше специально устраивали пал, чтоб преградить путь монголо-татарам и другим завоевателям. Тут где-то и речка есть — Пальная, и вообще такие названия часто встречаются на востоке и юге...

— Богатые у тебя познания, — усмехнулся Петров.

— Что ж, готовился к поездке... А вот мы уже и на месте почти!

Это и так было очевидно по скоплению машин и людей. Причём многие машины двигались — одни пытались пробиться дальше по сузившейся от припаркованных справа и слева автомобилей дороге, другие ехали им навстречу. Водители сигналили, кричали, пятались... Люди тоже шли в обе стороны довольно плотными потоками.

— Неужели уже закончилось? — с готовностью забеспокоилась Олеся.

— Сейчас узнаем. Вообще-то по программе до четырех часов мероприятия...

Влад попытался проехать ближе к вероятному месту фестиваля, но вскоре отчаялся — приходилось то и дело сдавать назад, пропуская едущих навстречу, к тому же пешеходы буквально лезли под колеса, — нашёл приемлемую щель меж двух стоящих машин и втиснул туда “Тойоту”.

— Двери открываем осторожно, — предупредил, — соседей не царапаем.

Вылезли, скорее надели бейсболки. Заражаясь общей суетой, поспешили к виднеющейся вдали церкви, от которой долетали обрывки усиленной колонками мелодии.

— Скажите, а там что-нибудь продолжается? — спросил Влад идущего навстречу пузатого мужика с бородой и в майке Супермена.

— Продолжается... Теплового удара боюсь... На фиг...

— Продолжается! — бодро объявил Влад. — Вперёд! — И почти побежал.

Его дочка Ариша, дети Петрова, а также Олеся и даже Людмила послушно последовали за ним. Сам же Петров, наоборот, сбавил шаг: бодрость другого мужчины, моложе его, выше ростом, задевала.

Шел медленно, с каждым метром всё сильнее раздражаясь, что приходится идти под солнцем так долго. Мысленно поругивал Влада; самому Петрову сейчас казалось — он бы проехал на полкилометра ближе...

Глебово-Городище, по крайней мере та улица, по которой двигался народ, оказалось довольно симпатичным селом. Свежевыкрашенные в зелёный, синий, бордовый, сочно-жёлтый цвета избы, заборы, ворота, колодцы... К колодцам тянулись длиннющие очереди. Увидев первую же, Петров вспомнил, что воду-то из машины не взяли, и ему сразу захотелось пить.

— Ну ты где? — появилась жена. — Мы тебя потеряли.

— Воду забыли...

— Там купим. Пошли быстрее.

На вершине холма — церковь. Часть белоснежная, недавно отреставрированная, часть — почти руины. Каждый метр тени под стенами занят людьми... Справа от церкви торговые палатки, слева, под крутым склоном, площадки для выступлений. Там как раз представляли доспехи воинов.

— ...А сейчас мы видим шлем с полумаской и круговой кольчужной бармицей, — говорил в микрофон ведущий, сам одетый в костюм какого-то холопа. — Полумаска, конечно, защищала лицо воина, но в то же время затрудняла обзор... Чаше мы можем встретить шлем с наносником...

Люди в доспехах ходили тяжело, медленно. Казалось, сейчас попадают на траву, и придётся вызывать вертолеты с бригадами реаниматоров.

Бурковские и дети уселись на склоне, а Петров с Людмилой пошли гулять по рынку.

Подобных им гуляющих были сотни. Бессмысленная толчея. Причем лица выражали не радость присутствия на празднике первой большой победы русского оружия над ордынцами, а муку и недоумение: зачем мы забрались сюда в такую погоду, что делать, куда спрятаться...

Лишь ребяташки были, кажется, довольны. Бегали с деревянными и пластмассовыми мечами, луками, арбалетами, булавами... Правда, то и дело раздавался детский плач...

В палатках ничего интересного, особенного не увидели. Сувениры, пряники...

— Есть вода простая? — спросил Петров, наткнувшись на палатку с напитками.

— Вода кончилась. Вот взварчик возьмите. Хорошо жажду утоляет.

Петров глянул состав.

— Это типа компота?

— Почти... По древнерусским рецептам. Прохладный, под брезентовом держу.

Петров купил две литровые бутылки, выложив за них триста рублей...

Попили с женой крепкосладкого взвара на свободном пятачке под стеной церкви, поглазели на памятник в виде копий и щитов, вернулись к Бурковским. Петров уселся по возможности удобней на крутом склоне и решил сидеть тихо, без комментариев и предложений поехать отсюда. Что ж, детям, кажется, интересно...

После доспехов произошло короткое “массовое сражение по правилам манёвров”, как значилось в распечатанной Владом программе. В сражении участвовали человек по пятнадцать с обеих сторон... Петрова всё-таки потянуло поиронизировать над “массовостью”, но он вовремя вспомнил, что в каком-то серьёзном фильме видел одну из знаменитых средневековых битв англичан с шотландцами, так там сошлись тоже с полсотни мужичар и порубили друг друга. Оставшиеся в живых несколько шотландцев стали махать топорами и кричать, что их победу будут прославлять в веках. Так оно и получилось... Может, такая вот “массовость” ближе к истине, чем слова летописцев — “рать безмерно велика была”, “несчетно множество их избиша”...

По окончании довольно схематичной битвы был концерт фолк-рок-группы. Музыканты с непокрытыми головами мужественно пели около часа. Причем фолк и рок в композициях перемежались поистине с математическим постоянством: сначала мощно гремели ударник и басист, затем они почти смолкали, зато вступали скрипка и дудочка, а после их партии, под перебор акустической гитары, звучал чистый, молодецкий голос вокалиста:

*За деревней у реки кто с утра уж трудится?
Уперев свой взор в огонь, кто сурово хмурится?
Кто свой трудный день начал с именем Сварога?
Кто в почёте у людей, под защитой Бога?..*

— Сварог, это ведь языческий бог? — когда музыка слегка притихла, спросил Влад.

Петров, поморщившись, кивнул. Объяснять, что вообще “Сварог”, скорее всего, отсебятина переписчика летописи, жившего не раньше пятнадцатого века, желания не было. Существовал у славянских язычников Сварожич, но и с ним не всё ясно...

Пока группа исполняла то героические, то лирические песни, на поляне шла установка приспособлений для конных состязаний. Натягивались верёвки, втыкались штыри с кольцами; полная женщина принесла и высыпала на траву из мешка кочаны капусты.

Конники копытами снимали кольца со штырей, рубили саблями и мечами капусту и яблоки, пытались поднять с земли разбросанные платки. Те, что скакали быстро, в основном терпели неудачу, зато медлительным, на “манежном галопе”, как насмешливо заметил ведущий в одежде холопа, чаще удавалось выполнить задание...

Публика хлопала, одобрительно охала, когда у конников получалось, порой раздавались смешки. Особенно потешен был единственный участник в доспехах ордынца. В седле он держался нетвёрдо, никак не мог справиться ни с копьём, ни с саблей. Смешило и его имя — “темник Котий”.

— Если все монголо-татары были такими, — заметил Влад, — то ничего удивительного, что в Воже перетонули.

— Любимый, не критикуй, — пошлёпала его по ноге жена. — Ты бы ни одного кольца не снял.

— Так я и не берусь...

Победил в итоге наездник из медлительных. Когда ведущий объявил, что ему шестьдесят пять лет, посвистывания сменились на вполне искренние аплодисменты.

А потом народ потянулся вверх по склону, к дороге. Фестивальные мероприятия закончились.

Теперь Петров шёл впереди Бурковских, жены и детей. Страшно хотелось пить, сухость во рту сделалась после взвара особенно противной — кисло-горькой, с привкусом забродившего яблока.

Возле первого от церкви колодца толпилось не меньше сотни людей. Впереди было ещё два. Но у второго отсутствовало ведро.

— Спецом местные сняли. Сволочи, — говорили подходившие к колодцу.

Петров прибавил шагу, намереваясь обогнать основную массу тех, кто возвращался к машинам. Размечтался — а что еще оставалось? — о бутылке холодной воды, о том, как дома ляжет в прохладную ванну... И тут в спину ткнули. Не больно, но остро, словно пальцем.

Решив, что это сын догнал и решил пошалить, Петров сделал сердитое лицо и резко обернулся.

Вместо Никиты шагах в пяти стоял пацаненок лет восьми с арбалетом в руках. Так же сердито смотрел на Петрова.

— Ой, вы извините! Извините, пожалуйста! — стала плаксиво тараторить пожилая женщина, видимо, его бабка. — Устал, вот и вытворяет... Нельзя так, Гордей!

Понимая, что разборки отдаляют его от воды, Петров пошагал дальше.

— Подбери стрелу-то! — раздался совсем уже не плаксивый голос пожилой.

К колодцу тянулась вереница примерно из десяти человек. Вода явно была... Петров почти подбежал, встал в очередь.

— Сашка! — крикнул щупленький полутораметровый мужичок в выгоревшей до бесцветности рубахе, наполняя бутылку. — Неси еще, кончается!

Петров увидел на бортике колодца ведро с цепью. Оно было на треть полно беловатой жидкостью.

— А что с этой? — спросил он стоящего впереди парня.

— Да кончилась, видно.

— Хм, а я думал, это у Толстого гипербола...

— Чё? — парень насторожился.

— У Льва Толстого в романе “Война и мир” есть такое: “Солдаты выпивали воду в колодцах до грязи”. Я думал, он преувеличил — оказывается, действительно бывает.

— М-м...

— Сашка, да где ты там?!

Мужичок был слишком деятельный, вошёл, как говорится, в раж. “Может, пьяный?” Да нет, на пьяного не был похож... “Перегрелся на солнце”.

Здоровенный, голый по поясу, лет тридцати пяти Сашка принёс воду. Мужичок сунул ему пустое ведро:

— Ещё тащи. Людей вон сколько. Пить хотят. Давай, давай!

Сашка, видимо, был сыном этого полутораметрового. Без споров, хотя и без радости, побрёл в глубь улицы. Наверное, у них был свой колодец во дворе, или скважина пробита...

Подошла очередь Петрова наполнять бутылку.

— Холодненькая, — приговаривал мужичок, — пейте на здоровье...

— Спасибо.

Петрову захотелось отблагодарить его. Достал деньги, быстро выбрал две сотки, протянул.

— Да ты чего? — мужичок отшатнулся. — Чтоб я за воду деньги брал?! Бери свою баклажку и мотай отсюда.

Петрова обожгло это “мотай”:

— А вы что хамите? Я от чистого сердца хотел...

— От сердца... Грязное оно, значит — деньги за воду совать... Отходи, не задерживай, людей ещё сколько вон ...

— Что случилось? — подбежал Влад. — Что у вас тут?

— Забирай приятеля, а то я его, — расходился мужичок. — Обидел он меня... Деньги за воду...

— Действительно, пустите к ведру, — заговорили за спиной Петрова. — Что там? — ещё дальше, — он все бутылки, что ль, набирает себе?!

— Ладно, как хочешь, — дернул головой Петров, сунул сотки обратно в карман. — Пойдем, Влад, от этого солнцем ударенного.

Мужичок то ли не услышал эпитета, то ли сделал вид, что не услышал. Осторожно налил воду из ведра в маленькое отверстие жестяной банки из-под "Спрайта".

Петров широко, решительно как-то зашагал в сторону машины, ещё не понимая, что об этом случае он будет вспоминать очень часто.